

Женя Декина

Родилась в 1984 году в городе Прокопьевске. Ещё в школьные годы была корреспондентом городской газеты «Шахтёрская правда» и редактором молодёжного приложения к ней.

Училась на филологическом факультете Томского государственного университета. По окончании университета поступила в колледж культуры на режиссуру.

Работала журналистом, продавцом, уборщицей, барменом.... Уехала в Москву, с красным дипломом окончила ВГИК – Всероссийский государственный университет кинематографии им. С.А. Герасимова – по специальности «кинодраматургия». В течение восьми лет она занималась написанием сценариев для сериалов на телевидении. Открыла детскую театральную студию «МАГ», успешно действующую по сей день.

Участвовала в форумах молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья. Публиковалась в сборнике «Новые писатели-2015», в журналах «Октябрь», «Казань», «Кольцо А» и др.

Лауреат конкурса пьес детского театрального фестиваля «Петрушка» (2014, 2015 г.г.), финалист российско-итальянской премии «Радуга». Проза молодой писательницы переведена на итальянский язык.

Лауреат XV Международного литературного Волошинского Конкурса (2017 г.) – за рассказ «Миль пардон, месье».

Член Союза писателей Москвы.

Живёт в Балашихе Московской области.

Современные столичные критики так отзываются о её произведениях:
«Женя Декина – смелый автор. Она пишет только тяжёлую социальную прозу – с тяжёлыми героями и тяжёлым пространством. И при этом всё взаправду...»

На фестивале, посвящённом памяти писателя Василия Аксёнова, Евгения Викторовна Декина стала лауреатом международной литературной премии «Звёздный билет» – за повесть «Золотой корень».

ЗОЛОТОЙ КОРЕНЬ

Говорили про Лёшку всякое.

Кто-то считал, что сумасшествие его – это только прикрытие, на самом деле ни за каким золотым корнем он в горы не ходит, а попросту носит через кряж товар для Фархата – первоклассный монгольский план.

Другие уверяли, что Лешка и впрямь мог спянуть: наследственность у него плохая.

Рассказывали, что отец его – тот самый советский скульптор, автор знаменитого на весь Алтай иконостаса.

В пятидесятых попал скульптор в эти края, пообщался с местными, пожил среди шаманов и понял – нет, не будет здесь развитого социализма.

Здесь, взяв от щуки землю, шагает по миру Большой Хозяин и творит ровную степь. А брат его, злобный Эрлик, горбатит её горами и прогибает ущельями. Здесь не туман над озе-

РАССКАЗ

ром стелется, а курится над ним трубка мудрости великого Сартакпая, и, если войти в дым её, – прозреешь.

Здесь больше всего боятся прихода синего козла с жёлтыми рогами. В прошлый приход свой семь дней скакал он вокруг земли и неистово блял. Семь дней было землетрясение, горели горы, шёл с бурей град. А после этого ударили морозы.

И ничем всё это из местного человека не вытравить. Церковь здесь была, да разрушилась: не ходил никто. Потом чего только власть советская здесь ни делала, даже голову Сартакпая, что над озером возвышается, взорвать пытались, так жители местные его в Карла Маркса переименовали. И ходят, улыбаются хитро. А не будешь же ты Карла Маркса динамитом...

Тогда и задумал скульптор своё большое дело – выбрал самую высокую скалу, чтобы все видели, и решил выбить на ней профиль Ленина.

Верёвку купил, каретку специальную из досок сколотил – висит на отвесной скале и по камню режет. А гора ничего – терпит.

А как скульптор обедать пойдёт, местные жители каретку срежут, ухнется она в ущелье – и в щепки. Потом и вовсе дерево единственное, за которое каретку цеплял, спилили.

Ничего, и к этому приспособился, в скалу крепление ввинтит, верёвку привяжет и спит прямо в каретке, и обедает.

За несколько лет закончил.

Думал, переменится всё, если Ленин вместо Сартакпая на них с высоты птичьего полёта взирать будет. А они скалу эту иконостасом обозвали и ходят, улыбаются хитро.

Скульптор, говорят, от этого с ума сошёл, с иконостаса своего вниз и бросился.

А Лёшка вроде как его сын, потому тоже неудивительно.

Хромой Костян так и вообще завистью всё объяснял. Мол, всю жизнь тяготился Лёшка своей обыкновенностью. Росли вместе, в одну школу ходили, в тех же девчонок влюблялись, а потом – бах, и всё. Виктор – первый в области электротехник, Костян – лучший проходчик шахты пять-шесть, хоть и бывший, а все равно, Саныч детишек учит во Дворце творчества, Рустам конокрадом стал, от милиции прячется. У всех судьба, у всех характер. А Лёшка как был Лёшкой, так и остался.

Думали, это потому, что семьи у него нет; все переженились уже, холодильники покупают, машины стиральные, а он один да один.

Женился в итоге на Варьке, поварихе из туберкулёзного. Тоже холодильник купили, а машину стиральную родители ещё к свадьбе подарили.

Потом забеременеть не могли. Гонял её по врачам, думал, это из-за её туберкулёзии. Побил даже как-то: Колосов Виктору сболтнул, что бабы предохраняться могут, таблетками специальными... Таблетки у неё увидел и даже название не прочитал. Оказалось, витамины. Долго мирились потом.

Пришлось Лёшке к Колосову идти. Выяснилось, что это он бесплодный. Думали, Варя сразу уйдёт, а она ничего. Из детдома девчонку взяли. Маринку. Поначалу хорошая девчонка была, шустрая. Подросла, а тут – на тебе! Ни шнурки завязать, ни буквы запомнить, ни цифры сложить. Бились-бились с ней – всё зря. Слабоумие, оказывается. В детдоме возиться не хотели – им подсунули. А куда её теперь? Назад не сдашь, привыкли.

Как выросла – всё, туши свет. Ох и попила она им крови! Таскается с кем попало, доверчивая, люди Лёшку стыдят. Уж и ругал её, и бил, и дома запирал – и всё равно. Как кошка – только за дверь, сразу и загуляла.

Варя не выдержала, повесилась. В бане. А Лёшке чего делать? Дальше живёт.

С работы попёрли – из-за Виктора, между прочим, друг называется... Благо, за дочку пособие солидное.

Ну, Костян и пожалел его, насел на Ушура: ты же вроде как шаман, помоги Лёхе-то! Маётся человек, куда ему жить – не знает.

Ушур упёрся. Душа, говорит, у него собачья, а хуже собачьей души ничего нет. И не надо её будить, хуже сделаешь.

Пришлось сговориться и Ушура в карты обыграть, только тогда согласился.

Ну и всё. Отвёл Ушур Лёшку в горы. За золотым корнем...

Выйдя утром из электрички, Лёшка обомлел. Лохматые, заросшие непроходимым лесом горы – сплошной стеной. Тёмная гладь воды, и птица какая-то неведомая кричит тревожно. И травы кругом, и гвоздика махровая грустные цветы свои к земле клонит, володушка сонная в такт ветру качается, зверобой к солнцу тянется, иван-чай строго так по сторонам взирает, ольха шумит... А среди этого всего он, Лёшка, по тропинке еле заметной шагает. Будто в сказке.

Потом летели они, подпрыгивая, на моторке с одноруким лесником, которому будто бы волки руку отгрызли, пока спал.

И свобода такая, что дух захватывает, и ветер в лицо ледяной, а вокруг неподвижная гладь озера, больше на жидкое бутыльное стекло похожая, чем на воду.

И рыбой питались, которую сами же из реки выловили, и грибов в котелке наварили, и ягоды кругом – только успевай кланяться.

И в горы карабкались по камням отвесным столько дней, что Лёшка со счета сбился. Не до дней тут. Валун вроде, а как ступишь, каменное крошево из-под ног сыплется; за травинку схватишься, а она сама еле-еле за камень корешком цеплялась, а ещё тебя держать...

К самому небу вскарабкались.

Стоишь по пояс в облаках, ног своих не видишь, а перед тобой молния вдруг – так, что рукой потрогать можно, – будто в изнанку неба залез.

Пришли, наконец.

Внизу чаша каменная, в ней долина альпийская с крохотным болотцем посередке, не больше Лёшкиного огорода, а по берегу – золотой корень растёт. Даже если самую малость

его съешь, сразу у тебя душа просыпается, и всё ты про себя понимаешь. И не только про себя – и с Маринкой чего делать теперь, и Варю как самому себе простить, и куда жить, и зачем. Да и вообще.

Бросился Лёшка вниз – и тут же назад вскочил, будто отбросило его силой неведомой. Гнус в долине – тьма-тьмущая мошканы мелкой, ест тебя поедом. Под куртку, в штаны, в волосы, в рот, в нос, под веки даже забивается, – никак не пройти.

Лёг Ушур в лужу, вывалился с ног до головы, ни одного чистого места не оставил. Со стороны будто и не человек идёт, а грязи кусок. И Лёшка за ним. Мошкара к грязи прилипает, копошится на тебе, как черви на трупе. А подохла грязь – броней схватилась, не пробить.

Хотел Лёшка сразу много корня золотого набрать – вдруг ещё кому понадобится. Но Ушур запретил. Говорит, за один раз только один корешок можно. И только себе.

До дома Лёшка не дотерпел – как из долины вылез, так сразу корень в рот и сунул. А вкус у корня золотого такой, будто всю воду он из рта вытягивает – аж до крови вяжет.

Собрался уже Лёшка плюнуть, но почувствовал вдруг, как по телу такая сила богатырская разливается, что возьмёт он сейчас самый большой валун, да хоть вот этот, выдернет из земли, швырнёт со скалы вниз, а потом сам же быстрее валуна к подножию домчится. Будто зверь он дикий, и марала за много километров чует, и медведя. И птиц пение понимает: нет в нём ничего замысловатого. И о чём травы с ветром шепчутся, ему ясно.

И про себя понял, что хороший он.

И всё, что в мире есть, – оно тоже хорошее, и звери страшные, и орлы, и гнус, и люди даже. Всё хорошо, и всё как надо устроено.

Вернулся в городишко свой, поработал неделю, и будто рассеялось всё. И ветер тот забываться стал, и каменное крошево под ногами, и гладь воды. И хорошенькая вся из него вышла. И Маринка опять под каждого встречного подстиляется, и Варя снится...

Стал Ушур просить назад его отвести. Ушур упёрся, головой качает – говорил же, хуже собачьей души ничего нет: не волк это, который и один может, и не кот, который везде пристроится.

Так что терпи теперь, будь человеком, сколько сможешь.

Маялся Лёшка, маялся, ночами спать не мог. Всё во дворе сидел, на небо смотрел, а оно другое тут – низкое, серое какое-то. И звезды ни одной. Ветерок тёпленький – баней тянет. Картошка в земле сидит как барин, молчит, упитанными листиками своими не шевелит – ленится. И так тошно Лёшке стало, хоть вой. Выходит, так и просидишь всю жизнь в картошке за баней.

А хочется на один разочек, хоть на самую маленькую секундочку – обратно.

Отпуск взял и сам ушёл.

Долго плутал, с пути сбивался. Рюкзак плечи тянет, камни из-под ног в ущелье сыплются, и подстраховать некому.

Через неделю только вернулся.

Счастливый.

Побыл чуток и снова ушёл.

А потом снова. И ещё. И даже рюкзака уже не брал. Мешок целлофановый за пазуху сунет – и побежал. С поезда на моторку перескочит – и вверх.

Как зверь в горы карабкается, ни шума травы не слышит, ни пения птиц, несётся, как одержимый. А как стемнеет, в мешок целлофановый запакуется, поспит пару часов – и снова наверх.

А обратно ещё быстрее. Золотой корень же – сила богатырская.

Потом и вовсе в город возвращаться перестал. По замерзшему озеру пешком долго.

Прижился у лесника в зимнике, куда тот раньше собаку запирали. Собака померла, а зимник тёплый, войлоком изнутри обит.

Живёт себе, и пускай живёт – есть не просят. Каждый день в долину бегают. Отощали, высохли, от грязи постоянной уже на человека не похожи. Но ничего, до сих пор живой.

В прошлом году у перевала видели.